

ПИСЬМА Ипполита БОГДАНОВИЧА

1. Н. И. Панину

1 декабря 1767

Милостивый государь, сиятельнейший граф.

Намерясь в оном письме донести покорнейше вашему сиятельству о узаконениях в Германии Вестфальским трактатом, не нахожу за лишнее включить прежде исторические об оном примечания.

В 1583 году кельнский архиепископ Гебгард, приняв протестантский закон и женись на графине де Мансфелд, хотел сохранить имение архиепископства; однако Духовный собор и Римский двор того ему не позволили, невзирая на подпору его в протестанцах. Сия утрата произвела разрыв согласия между некоторыми, потому что должно было по необходимости протестанцам вступать в союз с протестанцами, а католикам с католиками для супротивления первым. Средства, кои употребил император Рудольф II для прекращения сих мятежей, не были сильны в тогдашних обстоятельствах. Тщетно он дозволил протестанцам вольное богослужение по их вере. Богемский синод, невзирая на дозволение, разорил множество протестантских храмов; а потом богемцы свергли с престола Фердинанда II и возвели на его место Фредерика V Палатинского курфирста, что произвело Тридцатилетнюю войну между изгнанным и новоизбранным императорами. Напоследок Фердинанд II, победя Фредерика, учинил ему суд как неприятелю империи и предал его изгнанию без совета других областей против капитуляции. К совершению своих побед он хотел вдруг истребить протестантскую партию; для того выдал в 1629-м году узаконение, по силе которого протестанцы должны были лишиться всех духовных имений, коими они владели от 1555 года. Сие узаконение имело бы свою силу, если бы Фердинанд учинил его согласно с другими областями; но самовластное повеление, которое означало, что он стремился вводить деспотизму в империи, взволновало умы. Шведский король Густав-Адольф пришел на помощь к протестанцам и привлек Францию на свою сторону. Области католицкой стороны, сопротивляясь намерениям шведов и курфирста Саксонского, были разбиты в Лейпцигской баталии 1631. Хотя Густав был убит после в Люцене, но католики не были тем восставлены. Протестанцы разных округ, то есть Швабии, Франконии, Вышнего и Нижнего Рейна, собравшись под Рейлброном 1633, согласились продолжать войну под защитою шведов, в намерении добиваться до тех пор, как права их и свобода в вере им возвращены будут. Оксенстирн возобновил союз между Францией и Швецией, и переговоры их были утверждены всеми протестантскими областями, однако Нердлингенская баталия остановила их успехи. Саксонский курфирст после сей неудачи заключил с Фердинандом II мир. Прочие протестантские владетели также один за другим ему последовали и оставили французов и

шведов. Один только ландграф Кессельский был им предан. По смерти Фердинанда II сын его Фердинанд III, не имея счастья своего отца, принужден был попечительнее мыслить об мире. Предложения были учинены в Гамбурге в 1641-м, конференции открылись в 1644-м, и мир был обнародован в 1648-м году. Сей мир основан на двух трактатах: первый с Францией заключен в Минстере; второй со Швециею в Оснабруке; однако главным для общенародного германского права почитается Оснабрукский. Его можно разделить на две части; первая касается до веры и содержит следующие узаконения:

В Германии приемлются только три веры, католическая, лютеранская и реформатская; прочие же все отвергаются. Соблюдение духовенства (*réservat. ecclésiastique*) предписывается взаимно с протестанциями; те, кои приняли Оксбургское исповедание, не подсудны более в обыкновенном духовном правлении, но каждая область может давать суд в своей земле.

Духовные имения возвращаются прежним владельцам от 1642 года, хотя бы после сего времени кто и не владел оными, так как и право раздавания, наименования и избрания возвращается всем, кои оное имели с того времени. Позволяется областям принимать веру из трех помянутых, которую они за благо изберут; в Палатинской же области отменно от других каждый вступает в свои прежние права от 1618, вместо 1624-го, то есть от начала божеских бунтов.

Вторая часть содержит политическое узаконение в Германии, а именно: удовольствие короля шведского; решение споров между императором и областями и взаимные требования друг от друга между последними.

Минстерский трактат утверждает узаконения Оснабрукского; империя уступает французскому королю права на Алзацию и ведение имперских городов, отдавая в полное владение три епископства Мецкое, Тульское и Вердунское. В нем также пишется об округе Бургонской, герцогстве Лорренском и о восстановлении по-прежнему Палатинского, Виртембергского и Баденского домов.

А чтоб трактат оный имел свое исполнение, Фердинанд III обнародовал того же года понудительный указ, в силу которго все области согласились в Ниремберге 1649 и 1650 в росписании имений, кои возвращены быть должны были: что все утверждено было последним имперским отпуском.

Сколько папа не спорил против Вестфальского трактата, оный донныне почитается главным законом в империи; и все последовавшие трактаты на нем основываются.

Позвольте мне, милостивый государь, при окончании оногo письма препоручить себя вновь в вашу милость и благоволение, так как я есмь с глубочайшим почтением и подобострастнейшею преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства все-нижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

1/12 декабря 1767 из Дрездена.

2. Н. И. Панину

15 декабря 1767

Милостивый государь, сиятельнейший граф.

К объяснению германских законов императорская капитуляция (Kaiserliche Wahl-Capitulation) может иметь здесь свое место. Она состоит в некоторых уговорах у императора с курфирстами, по которым он тотчас по избрании и всеконечно прежде коронации обещает, правя империю, не вводить ничего нового в свою собственную пользу и во вред областям и прочее.

Первая капитуляция, которой предписания и донныне соблюдаются, учинена была курфирстами с Карлом V-м. Ибо его неограниченное властолюбие и распространяющееся час от часу могущество были опасны для германской вольности; и с того времени императорская власть посредством капитуляции имеет свои пределы. Первая же Карла V-го учинилась основанием всем последующим.

Право предписывать капитуляцию принадлежит одним только курфирстам так как последствие избрания, другие же области из одного исключены. Должно прибавить здесь некоторое примечание, что уговоры сии ничего противного имперским законам принимать не могут. Прочие области, быв недовольны отрешением их от сего права, которое курфирсты иногда во вред употребляли, требовали, чтоб их приобщить также к сочинению капитуляции императора Матиаса, предлагая в уважение, что она так, как все имперские законы, для твердости своей не должна составляться без их в том участия; однако курфирсты вместо требуемого права склонились только в их удовольствие прибавить в капитуляции следующее: для них и для всех владетелей и областей Римской империи. С того времени сие дополнение вошло во все капитуляции. Спор о том был возобновлен протестантскими областями при заключении Вестфальского трактата. Они требовали, чтоб с согласия всех областей учинена была вечная капитуляция; но рассуждение о том отложено до будущего сейма. Между тем, курфирсты не остановились предписать капитуляцию Фердинанду IV, против которой области паки спорили и предложили их примечания (*monita*). Отпуск (*le recès*) Ратизбонский 1654-го отложил в другой раз вечную капитуляцию до будущего сейма в 1663-м. В котором области по многих упорствах уговорили, чтоб при требовании налогов для войны против турков, так же и о том рассуждения чинимы были. Курфирст Маянский напоследок в 1664-м, составя капитуляцию, предложил на опыт, однако умы были тогда в великом разделении и не согласились приступить к оной. В 1667-м курфирсты Кельнский и Бавиерский предложили проект уговора (*projet de concordance*), который был бы принят, если бы они не включили для курфирстов отменного права чинить за тем еще уговоры (*adcapituler*), чего области не хотели позволить, кроме как разве самая необходимость того требовать будет, и в таком случае прибавленные после нужные артикулы долженствовали быть утверждены при первом сейме.

Во ожидании же решительного о том положения, курфирсты и владетели согласились в 1671-м во многих артикулах, кои долженствовали быть включены в вечную капитуляцию. Области повторяли их требования без успеху, ибо император Иосиф, невзирая на то, по единственному согласию курфирстов, отрешил от прав Кельнского и Бавиерского. По смерти Иосифа курфирсты и владетели сочинили несколько артикулов для капитуляции Карла VI, но как имперские города не имели в том участия, то предложили они их особенные примечания. Артикулы курфирстов не согласны

были с артикулами владетелей, ни с примечаниями городов; для того первые таили капитуляцию до тех пор, как Карл V учинил по ней клятву. Области взволновались против сего поступка, так что император для укрощения их принужден был обещать учинить особо вечную капитуляцию, которая донныне еще не учинена.

После также представлены были споры от областей против введенных артикулов без их согласия в капитуляцию Карла VII и Франсуа I, и тем только они удовольствовались.

Имею честь быть со всеглубочашним почтением и подобострасшейшею преданностью, милостивый государь, вашего сиятельства всенижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

15/26 Декабря

1767

из Дрездена.

З. Н. И. Панину

22 декабря 1767

Милостивый государь сиятельнейший граф.

Приемля теперь честь донести покорнейше вашему сиятельству о духовных общенародных законах германских, начну от самого их основания. Дальнейшею их эпохою почитается договор, заключенный между папою Каликстом II и императором Гендриком V в 1122-м году. Первые германские императоры пользовались всеми правами самодержавия и учреждали самовластно все, что до закона принадлежало. Они имели право раздавать епископства, конфирмовать епископов, прелатов и самих пап, однако недолго. Ибо папы, как скоро могли, не хотели боле по святости их сана не только быть в зависимости у императоров, но востребовали напоследок, чтоб дать им первенство пред всеми христианскими самодержцами; для того употреблены были иногда хитрости, иногда угрозы, смотря по обстоятельствам. А чтобы сделать угрозы свои важными, они вошли в согласие с государями неприятельными империи или императору.

Папа Григорий VII первый оспорил право императора в раздавании духовных достоинств, утверждаясь на текстах канонических правил. Последователи его, Виктор III, Урбан V и Паскаль II, твердо настояли в предприятиях Григория VII. Напоследок Каликст II, о котором выше упомянуто, принудил императора Гендрика V уступить конечно папам начальство и власть над духовенством. Таким образом папы приобрели сие важное право, кое прежде принадлежало императорам. Каликст II оставил только в волю их жаловать доходы порозжих духовных мест, до времени как они будут заняты новопосвященными. Возмущения в Германии в конце четвертого на десять и в начале пятого на десять века, последовавшие от разноверия и от нововведенных учений, до того простирались, что не могли быть прекращены инако, как соборами (conciles).

Первой собран был императором Сигисмундом и начался в 1414-м, а кончился в 1418-м году. На сем соборе предложены были от германской нации жалобы под именем (avisamenta).

Папа Мартин V чаял их пресечь чрез уговор (concordat), учиненный с сею нациею, обнародованный в 1418-м году; однако по роспуске собора никто доволен не на-

шелся; каждый жаловался, что главные вещи для благосостояния церкви исправлены не были, от чего произошли после другие провинциальные соборы, но не были бы полезнее первого, если бы не последовал потом Вселенский собор, начавшийся при папе Евгении IV в 1430 году, а кончившийся при папе Николае V; после чего вскоре выданы были конкордаты с императором Фредериком III в 1448-я году.

Сии достославные учреждения касаются до четырех пунктов.

Папа имеет право вручать епископства и другие порозжие места единственно ото двора Римского.

Хотя шапитры¹ имеют право в некотором избирании, но не иначе как с конфирмациею папы.

От нижних мест доходами папа пользуется первые только месяцы; другой же оборот оных принадлежит шапитру.

Платежи пап от мест (les annates) требуются только однажды, хотя бы место много раз в году было порозжим.

Надобно различить здесь протестантские области с католицкими. Первые совсем исключены от общего духовного правления чрез духовный мир и Вестфальским трактатом, почему протестанцы могут, если захотят, присвоить себе ныне права, уступленные папе по конкордатам, так как некоторые и пользуются всеми ими, а другие частью.

Католики же не могут спорить против конкордатов, потому что оные утверждены последующими общенародными законами; и только те исключаются, кои против их протестовали, никогда их не приняли и им не последовали. По сему исключению Страсбургский и Бамбергский шапитры не в числе других.

Здесь прибавлю я некоторое примечание о законах ненаписанных, которые до общенародного права касаются и названы Имперские наблюдения (observance de l'Empire). Сии законы суть те, кои при многих переменах правления всегда в своей силе оставались, так как не было нужды писать о том в новых законах. Императоры и имперские области всегда их миновали, почитая монументами прежних добрых нравов и добрых обычаев. Однако для решения по оным они основываются не иначе, как на точном их действии в прежних временах, и для сего требуются некоторые доказательства.

При окончании письма моего приемлю честь поздравить вас, милостивый государь, с Новым годом, желаю вашему сиятельству всех благополучий в течении оногo, так как и во все последующие жизни вашей, уверен, что благополучие ваше есть благополучие честных людей, и тем искреннее называюсь со всеглубочайшим почтением и подобострастнейшею преданностию, милостивый государь, вашего сиятельства все-нижайший и всепокорнейший слуга

Ипполит Богданович.

22 декабря 1767

2 января 1768

Из Дрездена.

4. Я. И. Булгакову¹

17 марта 1768

Государь мой, Яков Иванович!

Я пользуюсь теперь вторичным случаем уверить вас о моем почтении и дружбе, прося вас сохранить между нами то, что стародавними веками началось еще в самой нашей молодости; кажется, что мы приобрели чрез то некоторое право напоминать о себе друг другу; и с моей стороны вы найдете при всяком случае доказательства, что леты моей молодости не унесли с собою к вам моей искренней преданности, которая во всяком возрасте ненарушима останется.

Новости здешние: вице-граф de la Герерия, гишпанской посланник при нашем дворе, проезжая через Дрезден, здесь на несколько дней остановился. Принят и угождаем здесь весьма ласково. Рассказывает об России всем в восхищении. Воротится ли назад, неизвестно. Хотя едет в свое отечество единственно, так как он сказывает, для приведения дел своих в порядок.²

Было здесь в Дрездене и около в Саксонии небольшое землетрясение. Однако все, слава богу, в безопасности, потому что мало было людей в городе, которые то приметили, и тех подозревают, что будто им казалось то от лишней трусости. Я же собственно никакого вам свидетельства в том дать не могу. Говорят, что земля жидка под ногами была против обыкновенного, ежели можно по этим признакам в том увериться. Истинные же признаки вы всегда найдете, что я есмь с почтением и дружбою, государь мой,

ваш покорнейший слуга Ипполит Богданович.

5. Я. Я. Штелину¹

Не позднее 1772

Monsieur,

Pour commencer ce que je vous ai promis, monsieur, je vous envoie l'article de l'un des anciens poètes russes.

Sémion Polotzky, moine à Moscou, a mis en vers le livre des psaumes et les huit cantiques tirés de l'Écriture Sainte, comme celui des enfants d'Israël, du prophète Jonas, des trois jeunes heureux etc.: cantiques qui suivent immédiatement les psaumes de David imprimés à l'usage de l'église sous le titre de *Psaltir*, livre trop connu pour en faire ici une longue observation. Apparemment son grand penchant pour la poésie l'avait engagé de mettre aussi en vers l'almanach ecclésiastique joint à ces psaumes et à ces cantiques. Le patriarche avait admiré ses vers, surtout l'almanach qu'un moine sut rendre en vers bien mesurés comme tous les autres, quoique sans cadence, qu'on ne connaissait pas alors.² Il dit dans sa préface qu'ayant lu en langue hébraïque les psaumes versifiés, comme aussi en polonaise, il n'en fut qu'un simple imitateur,³ mais il fut le premier qui écrivait un almanach en vers, malgré la difficulté que les différents noms des saints ne sont pas faits pour rimer

ensemble comme ils le sont pour être placés dans le paradis. Un moine, ne peut-il faire un miracle? Et la poésie peut avoir les siens. A l'égard de ce moine tout ce qu'on peut tirer de ce livre, c'est qu'il l'a fait imprimer en 1680, sous le règne du zar Michel⁴ avec l'approbation du patriarche Joachime. On en trouve un exemplaire avec les notes inscrites dessus les psaumes dans le goût des cantiques polonais, ou même ce sont des notes qu'il a prises chez cette nation et les a appliquées au texte russe trouvant la mesure égale.⁵ On a encore de ce moine différents livres en prose imprimés de son temps et défendus après à cause que le peuple superstitieux ne pouvait estimer que les livres de leurs ancêtres, lesquels seuls, disaient-ils, ont été dictés par le S. Esprit.⁶ L'enthousiasme pour les livres de la vieille impression était si fort qu'au moindre changement ou la plus légère correction des mots peu intelligibles, l'on voyait naître des schismes dont chacun interprétait ces mots selon son entendement et taxait d'hérésie et d'innovation tous les livres qui ne ressemblaient pas à ceux qui ont été dictés par le S. Esprit. Telle était la persuasion du peuple jusqu'à ce qu'il n'avait pas besoin de tant de disputes pour être gouverné par ses moeurs à l'avantage et à la gloire des souverains qui le rendent plus heureux, et nous le sommes à présent si nous voulons l'être.

Peut-être dans l'histoire de la Russie y-a-t-il quelques anecdotes sur l'origine et la vie de ce moine, car de son temps on a déjà écrit l'histoire avec assez de circonstances, et ce poète n'est pas un personnage à être oublié, car je me souviens d'avoir lu quelque part qu'on lui attribue certaines prophéties et que ses prédictions de Pierre le Grand se sont réellement accomplies.⁷ Il n'est pas surprenant qu'il eût été un bon prophète, car l'imagination des poètes avait si souvent contribué à notre bonheur, que la superstition veut réaliser et que le bon esprit approuve. Il était agréable de croire ces prédictions lorsque Pierre le Grand les avait justifiées, bien qu'il ne les crût pas.

J'aurais pu vous donner quelques notions sur la poésie du prince Cantemir, celle de l'archevêque Phéophan et de l'autre Krolik,⁸ qui tous les deux ont écrit quelques vers à l'éloge du premier, mais ils me manquent à cette heure et peut-être les avez-vous déjà. Dans la collection des sermons de Phéophan tous ses ouvrages sont indiqués, si vous voulez voir.⁹ De mon côté je me ferai toujours un plaisir de "vous être utile en quelque chose et de m'instruire en même temps Par vos lumières vous priant d'être persuadé de l'estime et de considération avec laquelle je suis, monsieur, votre très affectionné et très obéissant serviteur

H. de Bogdanovicz.

Lundi.

Je suis fâché de vous dire que le courrier pour Irkoutzk nous a manqué. Il faut attendre une autre occasion.

Перевод:

Милостивый государь!

Выполняя свое обещание, я посылаю вам статью об одном из древних русских поэтов.

Симеон Полоцкий, московский монах, переложил стихами книгу Псалмов и восемь песен, извлеченных из Священного писания, а именно: песнь сынов Израиля, пророка Ионы, трех отроков и др., те песни, которые следуют сразу же за псалмами Давида; все они напечатаны для церковного обихода под названием Псалтири, книги слишком известной, чтобы долго на ней останавливаться. Великая склонность к поэзии подвигла его, по всей вероятности, зарифмовать Святцы, или церковный месяцеслов, следующий за псалмами и песнями. Патриарху понравилась эта книга,² особенно Святцы, которые этот монах сумел переложить, как и все другие части Псал-

тири, хорошо размеренными стихами, хотя и без стоп, которых тогда не знали. В предведомлении он говорит, что читал стихотворные переложения Псалмов на древнееврейский и польский языки и попросту подражал им,³ однако ему первому удалось зарифмовать Святцы, несмотря на то, что имена святых гораздо больше приспособлены для рая, чем для версификации. Но не может ли монах свершить чудо? А у поэзии есть свои чудеса. Все сведения, извлеченные из Псалтири рифмотворной о Симеоне, сводятся к тому, что он напечатал ее в 1680 г. в царствование Михаила Федоровича⁴ с благословения патриарха Иоакима. Имеется экземпляр этой книги с вписанными над псалмами нотами во вкусе польских кантов, хотя вполне возможно, что он их попросту позаимствовал у поляков и применил к русскому тексту, сочтя стихотворный размер одинаковым.⁵ У этого монаха есть и другие, прозаические сочинения, напечатанные в его время, а потом запрещенные, ибо суеверный народ почитал истинными только отеческие книги, считая, что только они богодухновенны.⁶ Пристрастие к книгам старой печати было столь велико, что малейшее изменение и самое невинное исправление маловразумительных слов вызывало расколы, а раскольники толковали по своему пониманию эти слова и клеймили как ересь и новшество все книги, непохожие на те, которые были богодухновенны. Форма государственного правления не вызывала в народе стольких споров, поэтому им правили согласно его обычаям к выгоде и славе государей, стремившихся сделать своих подданных столь счастливыми, как счастливы мы ныне, если сами того желаем.

Быть может, в анналах русской истории сохранилось несколько анекдотов о происхождении и жизни Симеона, ибо современные ему события довольно обстоятельно описаны, а этот поэт отнюдь не был той личностью, которой можно пренебречь: вспоминается, что я где-то читал о приписываемых ему пророчествах и что его предсказания о Петре Великом действительно исполнились.⁷ Неудивительно, что Симеон оказался хорошим пророком, ибо воображение поэтов довольно часто способствовало нашему благу, которое суеверие, согласное со здравым смыслом, стремится осуществить. Приятно поверить в существование этих пророчеств, поскольку Петр Великий их оправдал, хотя сам в них и не верил.

Я бы мог вам дать некоторое представление о поэзии князя Кантемира, архиепископа Феофана и другого — Кролика.⁸ Оба они написали несколько стихов в похвалу Кантемиру, но их нет у меня сейчас под рукой, да, возможно, вы их уже имеете. Благоволите просмотреть собрание проповедей Феофана, где указаны все его труды.⁹ С моей стороны почту за удовольствие быть вам в чем-либо полезным и заодно просветиться вашей ученостью, уверяя вас в моем уважении и почтении, с каковым остаюсь, милостивый государь, вашим преданнейшим и покорнейшим слугою.

И. Богданович.

Понедельник.

С огорчением сообщаю вам, что почту в Иркутск мы пропустили. Нужно ждать другого случая.

6. На высочайшее имя

1779/1780 ¹

Всемиловейшая государыня!

Высочайшая в. и. в. милость давно уже мне объявлена, и я поздравлен был с назначением мне от Кабинета в. и. в. по тысяче пятисот рублей в год жалованья. Бывшие военные обстоятельства при всеобщих трудоношениях налагали каждому долг терпения, дабы не отяготить пекущуюся о всех Матерь Отечества какими либо излишними прошениями. Пресечение же войны при всеобщей радости отверзает ныне уста и частным людям, приверженным к службе в. в. Прибегающие к богу и к милосердию его, на престоле России ознаменованному, никогда отринуты не были. Всегдашняя моя усердная служба повергает и меня к стопам в. в. в справедливом уповании на высочайшую милость вашу, поколику есмь с достодолжным благоговением, всемиловейшая государыня, в. и. в. верноподданный

Ипполит Богданович.

Ассесор Ипполит Федоров сын Богданович в службе находится с 754-го года. Начал служить в Московском университете, в штате дежурных офицеров при классах. Потом взят в Иностранную коллегию в переводчики² и в 776-м году произведен в ассесоры.³ По новому же штату Коллегии, между прочими излишними, отослан для определения к делам в Герольдию. При исправлении своих должностей упражнялся в разных сочинениях и переводах, кои все напечатаны, а именно, сочинил исторические статьи о Германии,⁴ перевел несколько статей из Энциклопедии,⁵ Историю о бывших переменах в Римской республике г. Вертога,⁶ проект о вечном мире г. Жан Жака Руссо,⁷ комедию Нанину г. Вольтера ⁸ и проч.

Ныне сочиняет в некотором сокращении Российскую историю, которой первая часть уже издана под титулом «Изображение Российской истории».⁹

7. О. П. Козодавлеву¹

июнь 1800

Милостивый государь мой Осип Петрович! Старинная приязнь вечно возобновляется, а чтобы не пустым письмом занимать полезное время ваше, то я, с обрадованием прочитав в «Ведомостях» употребление ваших талантов и способностей, охотно <преднамере>ваюся послать также из Сум краткие выписки, оставшиеся после отца моего о происхождении и грамотах Богдановичей, с покорнейшею просьбою употребить то в дело, какое препоручено вам к собранию родов дворянских.

Приказных формулярных о том выправок я не рассудил за благо сам делать по причинам, что разыскано много; потратил бы на то времени, тогда как вы <имеете> несравненно более способов из Москвы или из Смоленска с означенных грамот доставить себе порядочные засвидетельствованные копии. А, может быть, они у вас уже и находятся, и польские гербовники, в которых Богдановичей герб с порядочным описанием еще в Польше сделан.² Происхождение же мое с братьями от рода <польских> Богдановичей в <нрзб> свидетельствах Смоленского дворянства и других

однофамильных с нами Богдановичей. [... Я могу уверить, что выписки отца моего не менее достоверны. Он говаривал, что не пожелал быть дворянином, если бы слову его не верили...]

<Нрзб>. Dans ma retraite et dans ma gaieté rustique je ne me rappelle que du bien et tout naturellement je chante, oubliez jusqu'à la trace d'un malheur peu <нрзб> pour vous. Je désire que vous chantiez <autant>. Je vous prie de témoigner bien mes respects à madame votre épouse sans oublier tous ceux qui voudront bien se souvenir de moi avec bonté.

Je mets dans mes expressions un peu <de> français <pour> ne pas perdre l'usage de la langue; mais c'est en bon campagnard russe que je suis bien respectueusement et bien sincèrement, monsieur, votre très humble et très ob<èissant> serviteur

H. de Bogdanowith.

Перевод:

В моем уединении и в моей сельской веселости я вспоминаю лишь о хорошем и пою со всею непринужденностию; забудьте и думать о несчастьи мало <нрзб> для вас. Я желаю, чтобы вы так же пели. Я прошу вас засвидетельствовать мое почтение вашей супруге, не забывая всех тех, кто вспомнит обо мне с добрым чувством.

Я вставляю в свой текст немного французского, чтобы не забыть язык; но, добрый русский поселянин, я остаюсь с искренним почтением ваш нижайший и покорнейший слуга

И. Богданович.

КОММЕНТАРИИ

Публикуемые письма позволяют уточнить многие факты из биографии Богдановича, расширить представление о его общественно-литературном окружении. В связи с публикацией уместно напомнить важнейшие события жизненного пути Богдановича, получающие более полное освещение благодаря новым материалам. Принятый десятилетним мальчиком на службу в Юстиц-коллегию, Ипполит Богданович был отдан для прохождения курса наук в гимназию при Московском университете.¹ Летом 1761 г. университетское начальство «по умножившемуся числу учеников, учителей и другого звания людей» сочло необходимым зачислить в свой штат «как для надзирания, так и для исправления других разных поручаемых должностей», юнкера И. Ф. Богдановича. 20 августа 1761 г. Сенат пожаловал ему чин прапорщика и, «причисля в состоящий в Москве Навагинский пехотный полк, в положенное число офицеров, в Московский университет определил».² По завершении Богдановичем учебы на него обратил внимание генерал-аншеф граф П. И. Панин и взял к себе в штат переводчиком. 30 апреля 1764 г. одаренный юноша перешел на ту же должность к младшему брату своего «патрона» — Никите Ивановичу Панину, в Иностранную коллегию.³ Похвальная ода Екатерине II, поднесенная молодым чиновником императрице по случаю нового 1763 года, сделала его имя известным при дворе.⁴ Неудивительно, что

¹ В апреле 1761 И. Ф. Богданович вместе с Д. И. и П. И. Фонвизинскими был переведен из «нижнего французского класса», от студента Семенова, во второй класс (Моск. ведомости, 1761, 27 апр., № 34. Прибавление).

² ЦГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 5477, л. 28.

³ См. «формулярный список» и другие документы о служебной деятельности И. Ф. Богдановича (там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 575, 581, 583).

⁴ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. 1. М., 1962, № 631. 6 января 1763 Екатерина II пожаловала Богдановичу за эту оду 100 руб. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3874, л. 77).

три года спустя он получил весьма лестное для него назначение на место секретаря русского посольства в Саксонии.

Как справедливо отмечают биографы Богдановича, нам почти ничего не известно о круге его знакомств и дружеских связей в этот период, кроме встречи с братом фаворита Екатерины II Ф. Г. Орловым, останавливавшимся на некоторое время в Дрездене в конце 1768 г.¹ Тем интереснее публикуемые ниже письма.

Печальные события, происшедшие в Дрездене, знаменовали собой конец первого, сравнительно безоблачного, периода в жизни И. Ф. Богдановича.

В бумагах Н. И. Панина сохранилась грозная записка Екатерины II, посланная ему на исходе 1768 г.: «Гр<аф> Ал<ексей> Гри<горьевич> Орлов> пишет сюда, чтоб скорее сменить Богдановича, секретаря князя Белосельского, а то несумненно напакостит. Прикажите его сменить. Сказывают, что до измены доходит».² Ни в одном из других документов того времени нет упоминаний об этом трагическом для карьеры молодого дипломата инциденте.³ Грозные обвинения Орлова, по-видимому, не подтвердились. Тем не менее Богданович был отозван в начале 1769 г. из Дрездена в Петербург, где около десяти лет старался не привлекать к себе излишнюю внимания сильных мира сего. Судя по щедрым подаркам императрицы,⁴ поэту удалось оправдаться перед ней в своих мнимых прегрешениях, однако его служебное положение долго оставалось шатким. 23 марта 1776 г. он был уволен из Иностранной коллегии по сокращению штатов («за излишеством людей») с чином коллежского асессора и четыре года перекладывался случайными заработками.⁵ Оставшись «без жалования и без пропитания», поэт постарался пополнить свой скудный бюджет энергичной литературной деятельностью. Именно в это время он нашел себе влиятельного защитника и покровителя в лице бывшего однокашника по Московскому университету, директора Академии наук С. Г. Домашнева, поручившего ему надзор за изданием «Санкт-Петербургских ведомостей». В начале 1777 г. Домашнев обратился к Екатерине II с просьбой повысить Богдановича в чине.⁶ Ответа на его рапорт так и не последовало. Непрочность положения при Академии наук вынуждала поэта искать милости у императрицы. Дважды (12 марта 1779 г. и 23 июня 1780 г.) он обращался к ней со слезными просьбами подыскать ему место (желательно при ее Кабинете), которое «могло бы заменить способы свободных трудов».⁷ 30 октября 1780 г. Богданович был зачислен в штат Санкт-Петербургского архива старых дел, однако следующий по «табели о рангах» чин коллежского советника он получил только через четыре года, 18 марта 1784 г.⁸

Богдановичу приходилось с большим трудом отстаивать свое право на принадлежность к благородному сословию, как свидетельствуют и позднейшие документы. 11 июня 1799 г. Богданович обратился к своему однокашнику по Московскому университету П. И. Фонвизину с просьбой «найти и доставить ему за судейскими и другими надлежащими подписаниями копии с грамот или указов, каковые изданы были в

¹ Отеч. зап., 1853, т. 87, кн. 4, с. 185; *Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы*. Л., 1957, с. 9.

² Автограф — ГБЛ, ф. 222, РШ, № 13, л. 25.

³ В своей автобиографии И. Ф. Богданович писал о неприятностях по службе, надолго лишивших его благоволения императрицы: «Между тем был оклеветан в обществе скопом и заговором недоброжелателей разными образами и оправдан после даже самыми своими гонителями, кои были коварствами обмануты» (Отеч. зап., 1853, т. 87, кн. 4, с. 186). Однако биографы поэта относят этот эпизод ко времени столкновения Богдановича с Академической конференцией (1782).

⁴ Так, 11 июля 1773 г. Екатерина II пожаловала «переводчику» И. Ф. Богдановичу, ничем не мотивируя это решение, 1000 руб. (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 3888, л. 126).

⁵ ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 76; ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 1; д. 286, оп. 1, д. 808, л. 575.

⁶ Там же, ф. 17, оп. 1, д. 33, л. 4.

⁷ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 76; ф. 17, оп. 1, д. 106, л. 1.

⁸ Там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 575. Обещанной императрицей прибавки к жалованью (1500 руб. в год) Богдановичу пришлось ждать еще четыре года (там же, ф. 10, оп. 1, д. 609, л. 417), а чин надворного советника был дан ему незадолго до ухода на пенсию, 19 марта 1792 г. (там же, ф. 286, оп. 1, д. 808, л. 583).

разных годах: прежними государями по Смоленску на имения и подтверждение дворянства» его предков, «смоленских дворян Богдановичей».¹

Приведенные факты так же, как и публикуемые письма, дополняют известные ранее сведения о биографии Богдановича, в которой остается еще немало «белых пятен».² Публикация подготовлена М. А. Арзумановой (письма 1, 2, 3, 6), И. Ф. Мартыновым (письма 4, 5 и вступление к комментариям) и Н. Д. Кочетковой (письмо 7).

1. Автограф — Архив МИД, ф. Сношения России с Саксонией, оп. 84/2, д. 103, 1767, л. 1—4 об.

19 апреля 1766 г. Богданович был послан в Дрезден «для исправления канцелярских дел» русской миссии в Саксонии с жалованием 500 рублей в год. В Дрездене он пробыл до 1769 г. (Архив МИД, Внутренние коллежские дела, 1766, оп. 169/2, д. 1507, л. 1—1 об.) в чине секретаря русского посольства. История ограничения абсолютизма в Германии, освещаемая в письмах Богдановича, представляла интерес для Н. И. Панина, с 1763 г. возглавлявшего Коллегию иностранных дел и верного идее разделения власти и ограничения самодержавия со времени своей дипломатической деятельности в Дании — идеи, легшей в основу его «Проекта об учреждении Государственного Совета» 1762 г. Сведения Богдановича о Тридцатилетней войне и Вестфальском мире могли быть нужны Панину и для ознакомления своего воспитанника, цесаревича Павла, с историей государственного устройства и политики стран Западной Европы (см.: *Браудо А. И.* Панин Никита Иванович. — В кн.: *Русский биографический словарь*, т. Павел—Петр. СПб., 1902, с. 202; *Шильдер Н. К.* Император Павел Первый. СПб., 1901, с. 55). Не исключено, что Богданович разделял взгляды Панина. Об этом говорит и то искреннее и далеко не официальное пожелание, которым он заканчивает одно из своих писем («уверен, что благополучие ваше есть благополучие честных людей...»).

Письма Панину во многом текстуально совпадают со статьей «Примечание о германских правах», напечатанной в журнале «Собрание новостей» за 1776 г. (№ 11 с. 50—78). Подготавливая статью к печати, Богданович расширил ее рамки и убрал наиболее резкие оценки. Так, в журнальном варианте вместо «деспотизма» Фердинанда II говорится о его стремлении сделать себя «единодержавным», вместо «неограниченного властолюбия» — о его «властолюбии» и т. п.

2. Автограф — там же, л. 5—8 об.

3. Автограф — там же, л. 9—12 об.

¹ Шапитр (*фр.* chapitre) — капитул.

4. Автограф — ГБЛ, ф. 41 (Булгаковых), Р1, папка № 22, л. 1.

¹ Я. И. Булгаков (1743—1803) — друг Ломоносова по Московскому университету, в 1764—1775 г. дипломат при русской миссии в Варшаве.

² Испанский посол в России вручил Екатерине II свои отзывные грамоты 21 августа 1771 г. (Моск. ведомости, 1771, 22 авг., № 62).

5. Список — ГПБ, ф. 588 (Погодинские автографы), № 171, л. 1—2. Письмо на бумаге с филигранью середины XVIII в. (буквы НР). Впервые (без перевода): *Тихонравов Н. С.* Соч., т. 3, ч. 2. М., 1898, с. 76—78.

---

¹ ГПБ, ф. 545 (Ф. К. Опочинина), № 51, л. 1—2. Черновик. 17 мая 1771 г. в «Московских ведомостях» (№ 39) появилось следующее объявление: «Лейб-гвардии Семеновского полку капрала Ивана Богдановича в Дорогобужском уезде (Смоленской губернии, — И. М.), в селе Градине крестьянина с двумя его сынами и сестрою по верующему письму брата его Иностранных дел переводчика Ипполита Богдановича желающие купить о цене спросить могут на Поварской улице, в приходе церкви Бориса и Глеба, в доме полковника Николая Логиновича Щербачева».

² См. также неизвестные в печати доношения Богдановича в Петербургский архив от 1 апреля 1782 г. — ЦГАДА, ф. 286, кн. 657, л. 39 — и от 14 марта 1784 — ЦГАДА, ф. 286, кн. 691, л. 89 (*примеч.* М. А. Арзумановой).

Письмо вводит Богдановича в круг активных участников работы по воссозданию истории отечественной словесности, работы, которая началась с появления в лейпцигском литературном журнале Х.-Ф. Вейсе «*Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und freien Künste*» (1768, Bd VII) — «Известия о некоторых русских писателях с кратким сообщением о русском театре». Многолетние споры об авторе этого анонимного библиографического очерка так и не привели исследователей к единому мнению (см. новейшие работы об авторе «Известия»: *Мартынов И. Ф.* «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и литературная полемика 60—70-х годов XVIII века. — *Рус. лит.*, 1968, № 3, с. 184—191; *Динерштейн Е. А.* Лейпцигское «Известие о некоторых русских писателях» и его автор. — В кн.: *Журналистика и литература*. М., 1972, с. 72—87; *Степанов В. П.* Новиков и его современники (Биографические уточнения). — В кн.: *Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени*. XVIII век, сб. 11. Л., 1976, с. 213). Среди прочих «кандидатов» на роль первого историографа русской словесности мимоходом упоминалось имя И. Ф. Богдановича, однако никто не попытался всерьез учесть и проанализировать факты, говорящие в его пользу. Письмо поэта к Я. Я. Штелину свидетельствует о его обширных, вполне профессиональных познаниях в области истории древнерусской литературы. Имя Симеона Полоцкого было известно современникам и знакомцам Богдановича; так, в рассуждении «О стихотворстве» его однокашника, студента Московского университета С. Г. Домашнева, можно найти несколько строк об особенностях метрики Симеона (Полезное увеселение, 1762, июнь, с. 235). Гораздо более пространный, насыщенный фактическим материалом очерк о Симеоне Полоцком был помещен в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новикова. Судя по опубликованной М. П. Погодиным библиографической «Записке» Я. Я. Штелина (Москвитянин, 1851, № 2, с. 205—215), конференц-секретарь Санкт-Петербургской Академии Штелин параллельно с автором «Опыта», а может быть и раньше его, начал работу над словарем русских писателей. Подлинник «Записки» на немецком языке хранился в собрании Погодинских автографов, переданном впоследствии в Публичную библиотеку. Однако уже к 1867 г. он был утрачен (Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867, с. 161). О древнерусской литературе в «Записке» никаких сведений нет, что объясняется скорее всего ее фрагментарностью. Известно, как «негодовал» Штелин, узнав о выходе в свет новиковского «Опыта». Это негодование, по-видимому, было вызвано не только отсутствием в словаре Новикова имен писателей-иностранцев, писавших в России, но и завистью неудачливого конкурента. Работая над «Запиской», в поисках материалов о Симеоне Полоцком Штелин и обратился за советом и помощью к И. Ф. Богдановичу, считая его вполне компетентным в этом вопросе. Итак, кто бы ни оказался на самом деле автором лейпцигского «Известия» (в котором, правда, нет никаких сведений ни о Симеоне Полоцком, ни о других русских писателях XVII в.), ясно одно: его появление в свет не было случайным, так как в конце 1760—начале 1770-х гг. несколько русских ученых и литераторов параллельно, а скорее всего в тесном контакте друг с другом начали собирать, систематизировать и публиковать материалы по истории отечественной словесности.

¹ Штелин Яков Яковлевич (1709—1785) — академик по кафедре поэзии и красноречия, стихотворец (на немецком языке) и сочинитель аллегорий к иллюминациям и фейерверкам.

² Богданович ошибался. Патриарх Иоаким в «Слове поучительном» обвинял Симеона в «латинских ересях» на основании его «Псалтири рифмотворной» (Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865, с. 137).

³ Богданович опирается здесь на второе предисловие к «Псалтири рифмотворной» Симеона Полоцкого, где последний сообщает читателю об известных ему пере-

ложениях псалмов на еврейском и польском языках (*Симеон Полоцкий. Избранные соч. М.—Л., 1953, с. 212—214*).

⁴ Ошибка: «Псалтирь рифмотворная» была издана в 1680 г. в царствование Федора Алексеевича (1676—1682).

⁵ Богданович ошибался. Музыка к «Псалтири рифмотворной» была сочинена певчим дьяком В. П. Титовым. См. обзор списков Псалтири с нотами, хранящихся в ОРРК БАН: *Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. 1975. М., 1976, с. 46—47.*

⁶ Сочинения Симеона запрещены на Малом Соборе в 1689 г.

⁷ Возможно, имеется в виду стихотворение «Петр имя камене толком знаменает» в «Рифмологине» (*Симеон Полоцкий. Избранные соч., с. 115*) или «Вирши на рождение Петра I» (опубликованы в ст. И. Ф. Голубева «Забытые вирши Симеона Полоцкого», — *ТОДРЛ, т. 24. Л., 1969, с. 258—259*). Пророчество это было хорошо известно Г. Р. Державину, что видно из стихотворения последнего «На пророчество Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского при рождении Петра Великого» (*Державин, т. 1, с. 444*).

⁸ Стихотворение архимандрита (Богданович ошибается, называя его архиепископом) Феофила Кролика, посвященное А. Д. Кантемиру, опубликовано в собрании сочинений Кантемира, изданном В. Я. Стоюниным (*Кантемир А. Д. Соч., письма и избранные переводы, т. 1. СПб., 1867, с. 23-24*).

⁹ Возможно, подразумевается книга: *Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя... Ч. 1. СПб., 1760. На 8-ми нумерованных страницах в конце тома: «Оглавление известным на российском языке сочинениям, печатным и письменным Феофана Прокоповича».*

6. Автограф — ЦГАДА, Госархив, р. X, д. 609. Прощения на имя Екатерины II и Павла, бывшие в делопроизводстве у кн. Александра Андреевича Безбородко, 1776—1797, л. 417, 418.

¹ Судя по послужному списку, находящемуся в деле на соседнем листе, прошение написано не ранее марта 1779 г. (так как в нем уже говорится об увольнении Богдановича из Иностранной коллегии) и не позднее октября 1780 г. (когда он вновь уже служил). Остается неясным, какую войну имел в виду Богданович: русско-турецкая война 1768—1774 гг. и крестьянская война 1773—1775 гг. уже закончились.

² Богданович не совсем точен, после Московского университета с мая 1763 по апрель 1764 г. он служил переводчиком в штате гр. П. И. Панина.

³ 21 марта 1776 г. Коллегия иностранных дел доносила в Сенат, что «во оной коллегии находится переводчик Ипполит Богданович, который начал служить с 1754, а в настоящем чине с 1764 года, и во все сие время вел себя порядочно, и Коллегия иностранных дел в рассуждении долговременной его бытности в одном чине за нужное находит правительствующему Сенату представить о произведении его в ассесоры противу произведенных в сей чин той же Коллегии переводчиков, дабы он тем паче поощрен был к дальнейшей службе» (ЦГАДА, ф. 286, д. 603, л. 401). Это ходатайство, подписанное Н. И. Паниным и И. Остерманом, было удовлетворено (копия указа Сената — там же, л. 402). 5 мая 1776 г. священник Исаакиевского собора Антоний Сергеев привел Богдановича к присяге (текст подписанного им клятвенного обещания — там же, л. 403).

⁴ Исторические статьи Богдановича о Германии неизвестны. Возможно, одной из них является статья «Примечания о германских правах».

⁵ Какие именно статьи перевел Богданович из Энциклопедии, не установлено. Н. М. Карамзин указывал на них в статье «О Богдановиче и его сочинениях»: «В 1768 году возвратясь из Дрездена, он совершенно посвятил себя литературе и стихотворству, перевел разные статьи из „Энциклопедии“ и т. д.» (Вестн. Европы, 1803, № 9).

⁶ История о бывших переменах в Римской республике, сочинения г. аббата Вертота... Т. 1—3. СПб., 1771—1775.

⁷ Сокращение, сделанное Жан Жаком Русо, Женевским гражданином, из проекта о вечном мире, сочиненного господином аббатом де Сент-Пиером. СПб., 1771.

⁸ Нанина, или Побезденное предрассуждение. СПб., 1766.

⁹ Историческое изображение России. Ч. 1. СПб., 1777. Последующие части в печати не появились.

7. Отпуск — ГБЛ, ф. 622 (Смирнов-Сокольский) карт. 1, № 1.

¹ Осип Петрович Козодавлев (1754—1819) в 1783—1784 гг. был советником при директоре Академии наук Е. Р. Дашковой и ведал изданием журнала «Собеседник любителей российского слова», в котором Богданович принимал деятельное участие. В 1783 г. по предложению Козодавлева Богданович был избран членом Российской академии. В 1800 г. Козодавлев был назначен директором Герольдии и занялся составлением «Общего Гербовника русских дворянских родов», работа над которым была начата в Герольдии в 1797 г. Богданович в это время находился в отставке и жил у родственников в г. Сумы. Публикуемое письмо показывает, с какими усилиями Богданович отстаивал свое дворянское происхождение.

² Польский герб рода Богдановичей имел название Лада (Список дворянам царства Польского. *Spis szlachty królestwa polskiego*. Warszawa, 1851, s. 14). В VII части «Общего гербовника» (№ 114) находится изображение и описание этого герба Богдановичей: «В щите, имеющем красное поле, изображены золотой крест и серебряная подкова шипами вниз. По сторонам подковы две серебряные стрелы, летящие вверх, а внизу два рога того же металла. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой виден коронованный лев с мечем. Намет на щите красный, подложенный серебром». В краткой справке о роде Богдановичей здесь сообщалось следующее: «Фамилии Богдановичев многие служили Российскому престолу дворянские службы в разных чинах и жалованы были в 1716/1668 и других годах от государей поместьями. Все сие доказывается справкою Разрядного архива и родословною Богдановичев». Герб Богдановичей Лада воспроизведен также в кн.: *Лукомский В. К., Модзалевский В. Л.* Малороссийский гербовник. СПб., 1914.